

A man with a beard and a woman with long red hair are the central figures. The man is wearing a dark coat over a green turtleneck. The woman is wearing a brown fur coat and white gloves, holding a small pine branch. They are standing in front of a wooden cabin with snow on the roof and trees. The scene is lit with warm, golden light, suggesting a winter sunset or sunrise.

Ася Мюй

Декабрь

Развод

Без обратного билета

Ася Исай

Развод без обратного билета

«Автор»

2026

Исай А.

Развод без обратного билета / А. Исай — «Автор», 2026

— Я люблю тебя с того дня, когда ты отобрала у Петьки мою машинку.—
Идиот, это было в садике! Почему только сейчас?!— Боялся потерять.— Ты
потерял двадцать четыре года, доктор...Я ловлю букет на чужой свадьбе, а
через неделю сижу в развалюхе без света с тем самым мальчиком из детсада,
который дарил мне снежинки. Двадцать четыре года мы мастерски всё
портили — собаками, салютами, моим идиотским «шучу». А теперь бывшие
звонят, снег по пояс... Господи, ну хоть раз пусть ничего не помешает!

© Исай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ася Исai

Развод без обратного билета

Глава 1

Стою у входа в ЗАГС, и мне кажется, что промерзла насквозь, хотя на улице всего минус три. Холод идет изнутри. Из того места под ребрами, где раньше жило что-то теплое и живое. Но любовь умерла безвозвратно, и теперь там пустота и вечная зима.

Три года брака уместились в несколько слов на листке из моего же блокнота для списка покупок. Антон просто оставил на кухонном столе записку: «Прости, не могу больше притворяться. Я люблю другую, а ты заслуживаешь лучшего.».

Зачем же ты мне изменял, если я заслуживаю лучшего...

В окошке номер три меня встречает сонное и хмурое лицо регистраторши. В конце концов, я здесь не за радостью сюда пришла.

– Морозова Лидия Александровна, – говорю, и голос предательски дрожит. Откашливаюсь. – За свидетельством о расторжении брака.

– Паспорт, – рявкает женщина, закатывая глаза, будто это именно я когда-то заставила выбрать эту профессию, занять эту должность, чтобы с восьми утра дарить людям счастье.

Протягиваю документ. Руки почему-то трясутся. Но ей все равно. Она печатает что-то, не поднимая глаз, её накрашенные бордовой помадой губы поджаты в ниточку.

– Триста пятьдесят рублей госпошлина.

Достаю мятую пятисотку из кармана джинсов. Она так и лежала там с того дня, когда я покупала вино. Собиралась быть гордой одинокой волчицей. В итоге вино так и стоит нераспечатанное. Не могу. Тошнит от одной мысли.

– Следующий! – рявкает женщина, вручая мне бумагу и сдачу.

На улице крупные мокрые хлопья липнут к ресницам, тают на щеках, смешиваясь с чем-то соленым. Не плачу же я? Нет, просто снег.

В сумке звонит рабочий телефон. Смотрю на экран – будильник. Свадьба в пять вечера. Черт, совсем забыла.

Хочется отменить. Сказать, что заболела. Что потеряла технику. Что сама умерла. Но не могу – это работа, а работа – единственное, что у меня осталось нормального. Фотоаппарат не предает, не уходит к другим. Чужое счастье через видеоискатель камеры моя жизнь последние семь лет и я ей точно не стану изменять как бы больно мне не было смотреть на счастливые пары.

До свадьбы еще четыре часа. Еду домой переодеться. Нельзя же явиться на мероприятие в джинсах и растянутом свитере с катышками.

Квартира встречает меня тишиной. Даже соседи за стеной молчат. Обычно в это время их младший орет, требуя мультики. Снимаю пуховик, бросаю на диван. Свидетельство о разводе выпадает из кармана, планирует на пол как осенний лист. Оставляю его там. Пусть.

Дома больше нет аромата кофе. Антон всегда варил на двоих. Теперь я пью растворимый. Или не пью вообще. Может хоть это плюс?

В шкафу висит мой рабочий костюм. Черные брюки и водолазка. Фотограф должен быть незаметным, растворяться в толпе гостей, ловить моменты, а не привлекать внимание.

Прячу синяки под глазами бронебойным консилером. Подкрашиваю бескровные губы. Без помады, кажется, будто вся кровь ушла туда, в дыру под ребрами. Вожу кисточкой с румянами по щекам – надо же изобразить живого человека. Собираю волосы в пучок, и профессиональная невидимка готова.

Проверяю технику: три камеры, запасные батареи, карты памяти, вспышка. Руки делают все автоматически – столько свадеб отснято, что могу собирать оборудование с закрытыми глазами. Двести? Триста? Давно уже перестала считать. Чужое счастье, с любовью упакованное в гигабайты фотографий.

“Астория” встречает запахом дорогого парфюма и лилий. Лилии везде – в вазах, в композициях, в петлицах. Белые как снег за окном, как платье невесты, как моя тоска.

– Невеста в люксе на третьем этаже, – щебечет распорядитель, встречая меня в холле. – Сборы уже начались. Вы успеете?

Киваю. Всегда успеваю.

Поднимаюсь по лестнице, устланной красным ковром. Под ногами мягко, бегу, как по облаку.

Дверь люкса приоткрыта. Изнутри доносится смех, звон бокалов, возбужденные голоса. Стучу и захожу. Невеста стоит посреди комнаты в корсете и панталонах, руки разведены в стороны, как у фарфоровой куклы. Вокруг порхают подружки, мама и визажист с парикмахером.

Поднимаю камеру, и мир сужается до видеоискателя. Так проще. Смотреть на жизнь через объектив, где все красиво скомпоновано, где можно выбрать ракурс, поймать свет, размыть фон. Щелк – мама застегивает пуговицы на спине платья. Щелк – подружка поправляет фату. Щелк – невеста смотрит на себя в зеркало, и в её глазах слезы счастья.

У меня тоже были слезы счастья. Три года и девять дней назад. Тоже декабрь, тоже белое платье, тоже "Астория" – правда, мы могли позволить себе только маленький зал. Антон плакал, когда я шла к нему через весь зал. Думала – от счастья. Может, уже тогда притворялся?

Как теперь понять, где началась его ложь, а где была правда? Да и надо ли?..

Невеста протягивает ногу, и её жених опускается на колено, чтобы надеть белую лодочку. Щелк. Еще один крупный план – его пальцы на её щиколотке. Нежно. Бережно.

Антон никогда не прикасался так ко мне. Он вообще не любил прикосновения и прочие нежности. Говорил, что у него личное пространство. А с Мариной, интересно, у него тоже личное пространство?

Встряхиваю головой, отгоняя мысли. Работать. Надо работать.

Церемония проходит в Белом зале. Название говорит само за себя – все белое: стены, потолок с лепниной, хрустальные люстры отбрасывают белые блики. Гости рассаживаются, шуршат платьями, перешептываются. Пахнет духами – тяжело, приторно. У кого-то явно перебор с «Шанелью».

Щелкаю без остановки. Вот отец передает руку невесты жениху. Вот они поворачиваются к регистратору. Вот обмениваются клятвами. Невеста плачет, размазывая водостойкую тушь.

«Согласна ли ты, Анастасия...»

Мой желудок сжимается. Помню, как кричала «да» на весь зал, как гости аплодировали. Как была уверена, что это навсегда.

«Согласен ли ты, Михаил...»

У меня звенит в ушах. Душно. Нужен воздух, но я не могу выйти – идет самый важный момент.

«Объявляю вас мужем и женой!»

Поцелуй. Долгий, настоящий. Не для фотографий – во имя любви. Гости аплодируют, кто-то свистит, подружки невесты плачут.

Начинаются одаривания, тосты и, наконец, танцы, когда я могу передохнуть.

Иду к окну. Нужен глоток воздуха. За стеклом уже темно, горят фонари, снег кружится в их желтом свете. Красиво. Как в снежном шаре. Каждый год друг детства дарит мне их, чтобы ни случилось...

– Девушки! – кричит Невеста. – Бросаю букет!

Подружки невесты собираются в кучку, визжат, толкаются локтями. Поднимаю камеру, чтобы снять момент. Настя поворачивается спиной, раз, два...

Букет летит прямо в объектив. Инстинктивно выставляю руку, и цветы шлепаются мне в ладонь.

Зал взрывается аплодисментами.

– У фотографа! Фотограф поймала!

– Теперь точно замуж выйдет!

– В этом году еще свадьба будет!

Улыбаюсь. Машу букетом. Изображаю радость, пока внутри все сжимается в ком.

Видеограф нас снимает. Мы с невестой, я с букетом, она обнимает меня, как родную сестру. На фото потом буду улыбаться – профессионально, правильно. Никто не догадается, что внутри у меня метель похлеще той, что за окном.

Еще два часа съемки. Первый танец молодых, танец с отцом, разрезание торта. Но я больше не могу. Просто физически. В горле ком, в глазах жжет, руки дрожат так, что камера ходит ходуном.

– Я на минутку, – бормочу ассистенту невесты и выскальзываю в коридор.

Запираюсь в кабинке. Сажусь на крышку унитаза, обхватываю колени руками.

И тут прорывает.

Вой начинается откуда-то из живота, поднимается к горлу, рвется наружу. Беззвучный. Я же профессионал, нельзя, чтобы услышали. Зажимаю рот ладонью, но слезы все равно текут. Горячие, соленые, размазывают тушь, капают на платье, оставляя серые пятна на черной ткани.

Плачу по всему сразу. По разводу. По трём годам притворства. По тому, что поймала чертов букет. По невесте с её настоящим счастьем. По себе в белом платье три года назад. По Антону, который «не может больше притворяться». По жизни, которая свернула где-то не там, и я даже не заметила где.

Глава 2

Вспышка. Ещё одна. И ещё.

Последние кадры. Невеста кружится в своём платье цвета шампанского, жемчужные нити в её волосах ловят свет хрустальных люстр. Красиво. Идеально.

– Лида, вы волшебница! Спасибо огромное! А вы точно не останетесь на банкет?

– Спасибо, но мне нужно обработку начинать, – вру, застёгивая чехол камеры. – Хочу, чтобы к Новому году у вас уже были первые фото.

На самом деле хочется просто сбежать, и даже то, что эта съемка последняя в этом году никак не греет.

В гардеробе наматываю шарф в три оборота. Шерсть колется даже через водолазку. Декабрьский Петербург не прощает легкомыслия. На улице мороз тут же впивается в щёки тысячей микроскопических иголок. Но после духоты банкетного зала холод бьет по щекам почти приятно.

Снег валит крупными хлопьями. Такой идеальный, киношный, какой бывает только в последние дни декабря, когда город готовится к главному празднику года. В витринах мигают гирлянды, из каждого кафе доносится "Last Christmas", и только я иду по этому празднику жизни с кейсом фототехники и пустотой в сердце размером с двухкомнатную квартиру на Петроградке.

Снег скрипит под ботинками. Как будто идёшь по битому стеклу чьих-то надежд. Фонари вдоль набережной создают жёлтые круги света, и в каждом медленно вальсируют снежинки.

До дома двадцать минут пешком. Можно взять такси, но я специально иду. Тяну время перед возвращением в пустоту. Мимо проносятся влюбленные парочки: он несет ее на спине, она визжит и целует его в заснеженную макушку. У входа в "Буквоед" целуется пара подростков. Неумело, носами друг в друга, но с таким упоением, будто изобретают поцелуи заново. Желудок скручивается в тугий узел.

Возле парадной уже насыпало небольшой сугроб, и дверь открывается с уставшим не то скрипом, не то вздохом. Топаю на пятый, придерживаясь за перила. Ступеньки стёрты поколениями жильцов до опасной покатости.

Дома, не включая свет, скидываю ботинки. Потом уберу. Сумка с аппаратурой аккуратно ставится на стол – это святое. В квартире холодно. Забыла утром поднять температуру на термостате. Или не забыла. Какая разница, греться-то некому.

Щёлкаю выключателем на кухне, свет бьёт по глазам. На столе коробка с ёлочными игрушками, которую я достала ещё пятнадцатого декабря. Так и стоит не распакованная. Рядом гирлянда спуталась в гордиев узел проводов.

Открываю холодильник. Йогурт, просроченный на три дня. Половина лимона в плёнке. Бутылка просекко, которую мы открывали с Антоном в ноябре, праздновали его повышение. Не допили. Метафорично до тошноты.

Выливаю выдохшееся вино в раковину. Пузырьки слабо шипят, как последний вздох умирающего праздника.

В гостиной ещё хуже. Пустой угол, где должна стоять ёлка. На журнальном столике наша с Антоном фотография с отпуска в Сочи. Почему я её ещё не убрала? Хватаю рамку, замахваюсь, чтобы швырнуть в окно, но рука застывает в воздухе. Ставлю обратно. Аккуратно поворачиваю фото лицом к стене. Вот так. Не видеть твою идеальную улыбку предателя.

Сажусь на диван, прямо в пальто. В квартире так тихо, что слышно, как тикают часы на кухне. Тик-так, тик-так. Отсчитывают секунды до Нового года. До новой жизни, которую я не знаю, как начать.

И тут что-то во мне ломается. Резко встаю.

– Хватит, – говорю вслух пустой квартире. – Хватит, хватит, хватит!

Хватаю коробку с игрушками, рву скотч. Стекланные шары выкатываются на стол – красные, золотые, серебряные. Дед Мороз с отколотой краской на носу. Ему лет тридцать, ещё мамин. Ангелочки из соломы. Гирлянда из стекланных бус.

Но ёлки нет.

На часах половина десятого. Ёлочные базары работают до десяти. Если побежать... Шапку натягиваю уже в лифте.

Бегу. Поскальзываюсь на повороте, чудом удерживаю равновесие. Вода в канале Грибоедова подо мной чёрная, как провал в никуда. Итальянский мост скользкий, перила обледенели.

– Девушка, мы уже закрываемся! – кричит продавец, узбек в грязном халате Деда Мороза и ушанке.

– Пожалуйста, мне только ёлку!

– Вам покорооче? Или ветки? – закатывает глаза.

– Самую красивую, – упрямо качаю головой. – И высокую. Под потолок чтоб.

Он показывает трехметровую канадскую ель – пышную, симметричную, пахнущую хвоей и чудом. Стоит как чугунный мост, но какая разница. Достаю карточку.

– Доставка есть?

– Закончилась на сегодня. Завтра с утра могу.

Завтра – это уже двадцать восьмое. Завтра – это еще один день без елки. Сую ему деньги не торгуясь. Он пакует ель в сетку, затягивает.

– Я сама.

Он смотрит на меня с сомнением. Я метр пятьдесят, в пальто, без перчаток, явно не готова тащить дерево вдвое больше себя по снежному городу. Может, и не готова. Но мне очень нужно, значит, справлюсь.

– Тяжёлая она, может, завтра?

– Справлюсь! – отбираю у него елку, будто он может передумать мне ее отдавать.

Господи, она правда тяжёлая! Но если женщине чего-то по-настоящему хочется...

Иду обратно. Снег валит стеной. В свете фонарей уже не вальс, а сплошная белая пелена. Набережная пустая, только редкие машины шуршат шинами по свежему снегу. Ель сползает с плеча, цепляется за воротник.

Первые сто метров еще ничего. Адреналин несет. Злость на Антона несет. Упрямство несет. На второй сотне метров начинает ломить плечо. Перехватываю по-другому – тащу за собой, как Сизиф свой камень.

Снег валит все сильнее. В лицо, за шиворот, облепляет ресницы. Под ногами каша из снега с солью – дворники щедро сыпанули реагентов. Ноги разъезжаются. Прохожие обходят меня по широкой дуге: городская сумасшедшая с елкой наперевес.

На середине Итальянского моста силы кончаются. Просто кончаются, и все. Отпускаю елку она падает в сугроб. Пытаюсь удержаться на ногах, но поскользываюсь и лечу следом.

Лежу на спине в сугробе. Снег набился за шиворот, холодными ручейками течет по спине. Елка придавила ногу. Не больно, просто тяжело. Смотрю в черное петербургское небо, откуда валит и валит снег. Фонари превращают снежинки в золотые точки. Красиво, черт возьми. Красиво и больно.

– Ну и черт с тобой, Новый год! – кричу в небо. – Слышишь? ЧЕРТ С ТОБОЙ!

Эхо разносится по пустой улице. Где-то вдалеке сигналил машина. С Невского доносится шум – там жизнь продолжается, люди спешат по своим делам, встречаются, расстаются, влюбляются, разводятся...

Начинаю смеяться. Истерично, до слез. Лежу в сугробе, придавленная елкой, и смеюсь как ненормальная. Потом смех переходит в плач. Опять. Снова. Как будто этих слез во мне океан, и он никак не может выплакаться до дна.

Это случается внезапно, как прорыв плотины. Сначала одна слеза скатывается по щеке. Потом вторая. А потом я уже рыдаю. Безобразно, в голос, размазывая по лицу тушь, которая обещала быть водостойкой, но даже она не сдержалась.

– Господи, – шепчу в небо. – Ну почему все так? Почему я всегда одна в самые важные моменты? Почему он ушел именно перед Новым годом? Почему я должна сама таскать эту чертову елку? Почему...

Замолкаю. Нет ответа. Только снег падает на лицо, тает на горячих щеках, смешивается со слезами.

С трудом выбираюсь из-под елки. Колени саднят, джинсы промокли насквозь. Встаю, отряхиваюсь. Надо идти дальше. Поднимаю елку – спина простреливает болью. Плевать. Нужно тащить эту зеленую дуру к дому.

И тут вижу.

На Итальянском мосту поставили огромное светящееся сердце. Метров пять высотой, обвитое гирляндами. Оно пульсирует теплым розовым светом, как живое. Как настоящее. Не было его вчера – точно не было, я бы заметила.

Подхожу ближе, волоча елку. У сердца табличка: "Поделись любовью". И еще хештег какой-то, для соцсетей, наверное. Вокруг никого. Только я, елка и это нелепое светящееся сердце посреди ночного Петербурга.

Прислоняю елку к ограде моста. Достаю телефон. Руки окоченели, разблокировка по лицу не срабатывает. Видимо, я сейчас похожа на кого угодно, только не на себя. Набираю код трясущимися пальцами.

Фотографирую сердце, мост, канал Грибоедова, уходящий в снежную темноту. На фото все выглядит волшебным – город-открытка, город-сказка. Только меня на этой открытке нет. И уже не будет.

Открываю мессенджер. Палец сам находит нужный чат – "Матвей О." Последнее сообщение от него, две недели назад: "Как ты?" Я не ответила тогда. Не знала, что ответить. Плохо? Разваливаюсь на части? Умираю от одиночества, но улыбаюсь на свадьбах?

Отправляю фото. Без подписи. Просто фото сердца в ночи.

Ответ приходит мгновенно, хотя обычно он медлит или молчит. А тут будто открыл чат и ждал.

"Красиво. Жаль, меня рядом нет."

Смотрю на эти пять слов. Перечитываю. Еще раз. Жаль, меня рядом нет. Двадцать четыре года дружбы, и он всегда где-то не рядом. На дежурстве. На учебе. С другой девушкой. В другой жизни.

Начинаю печатать: "Приезжай". Стираю. Печатаю: "Мне тоже жаль". Стираю. Печатаю: "Я тут елку тащу одна как дура, упала в сугроб, реву третий час, и мне так хреново, Матвей, так хреново, что хочется сдохнуть прямо здесь в снегу". Стираю.

Отправляю: "Ага".

Он сразу пишет: "Не спишь?"

"Елку покупала."

"Не поздновато?"

"А что?"

"Лид, ты в порядке?"

Нет, хочется написать. Нет, я не в порядке. Я в полной жопе, Матвей. Мне так одиноко, что физически больно дышать.

"Норм. Через пять минут буду дома и спать."

"Лида..."

"Что?"

Три точки. Он печатает. Долго. Потом три точки пропадают. Потом снова появляются.

"Спокойной ночи."

"И тебе."

Убираю телефон. Как всегда. Наше общение никогда не перерастет ни во что большее.

Когда-то давно мы уже упустили свой шанс.

Все шансы.

Глава 3

Закрываю глаза, и память услужливо подбрасывает картинку за картинкой. Двадцать четыре года. Цифры пульсируют в висках, как мигрень.

Первое воспоминание приходит самое яркое, как вспышка. Мне шесть лет, декабрь. Детский сад на Ваське. Помню запах мокрых варежек на батарее, привкус манной каши с комочками, которую заставляли доедать. И его – маленького серьёзного мальчика с вечно сосредоточенным лицом.

Тот день был особенный. После долгого ожидания зимы выпал первый снег. Настоящий, густой, липкий. Воспитательница выпустила нас на прогулку, и все побежали лепить снеговиков. А Матвей стоял у забора, ловил снежинки на красную шерстяную варежку.

- Что делаешь?
- Ищу самую красивую.
- Зачем?
- Для тебя.

Помню, как он протянул варежку. На ней лежала идеальная снежинка. Настоящая звезда из хрустала. Секунду она искрилась на солнце, а потом растаяла.

- Ой, сломалась, – расстроился он.
- Не сломалась, – почему-то уверенно сказала я. – Она теперь внутри варежки живёт. Навсегда.

Он улыбнулся так, будто я открыла ему тайну вселенной. А потом сказал те слова, которые помню до сих пор:

- Это тебе. Чтобы зима была всегда.

Мы всегда были больше, чем друзья. Просто слишком боялись это признать.

Две тысячи девятый всплывает следующим. Новогодняя дискотека в школе. Химичка уже навеселе, физрук флиртует с новенькой англичанкой, а мы с Матвеем сбегает на улицу.

Снег валит хлопьями размером с пятирублёвую монету. Мы идём по проспекту, и он вдруг берёт меня за руку. Просто так, без повода. Сердце пропускает удар, потом начинает колотиться как сумасшедшее. В животе порхают не бабочки – там целая стая диких птиц.

- Холодно, – говорит он, хотя рука у него горячая.
- Нормально, – вру я, хотя щёки горят так, что снег на них должен шипеть.

Доходим до моего дома, останавливаемся у подъезда. Он поворачивается ко мне, и я вижу в его глазах что-то новое, незнакомое, от чего перехватывает дыхание. Наклоняется медленно, как во сне. Я приподнимаюсь на носочки, закрываю глаза...

И тут из подворотни с лаем выскакивает Рыжик – дворовая псина, которую подкармливает весь дом. Прыгает на Матвея, тот теряет равновесие, мы падаем в сугроб. Лежим, смеёмся, но момент упущен. Навсегда.

Потом был выпускной. Последний звонок, белые банты, короткие платья. Родители плачут, учителя желают счастливого пути, а у меня в голове только одна мысль: скоро мы разведемся по разным вузам, и всё изменится.

Матвей находит меня на школьном дворе. Я сижу на качелях в своём нелепом розовом платье с пышной юбкой – мама выбирала, спорить было бесполезно.

- Не идёшь праздновать? – спрашивает он.
- Не хочется.
- Мне тоже.

Садится на соседние качели. Достает из кармана маленькую коробочку. Внутри – кулон на цепочке. Четырёхлистный клевер в эпоксидной смоле.

- Это настоящий? – выдыхаю я.
- Нашёл в парке Победы. Три часа ползал по газону, охранник думал, я наркоман.
- Зачем?
- Наудачу. Чтобы ты... чтобы у тебя всё было хорошо. В универе. В жизни.

Он застёгивает цепочку на моей шее. Пальцы касаются кожи, и по позвоночнику пробегает электрический разряд. Поворачиваюсь к нему, и снова этот взгляд. Эта пауза. Это замирание воздуха между нами. Он так близко, что...

– Лида Морозова! – орёт завуч из окна. – Немедленно в актовЫй зал! Аттестат с отличием вручать будем!

Вскакиваю и бегу, не оборачиваясь.

Клевер до сих пор на мне. Под тремя слоями одежды, но я чувствую его вес. Иногда, кажется, он весит тонну.

Поступление, универ... Время пролетело стрелой и мне уже двадцать два. Фотографирую свадьбы уже второй год, снимаю счастливых людей и делаю вид, что верю в вечную любовь. Матвей на четвёртом курсе медицинского – изможденный, с синяками под глазами, вечно пахнущий больницей и кофе. Мы ни на день не прекращали общаться, но все же отделились...

Его день рождения пятнадцатого марта. Покупаю билет на поезд, еду в Москву с тортом в коробке и бутылкой виски в рюкзаке. Общежитие медицинского – это отдельный круг ада. Пахнет хлоркой, невымытыми телами и чем-то кислым, от чего сразу хочется открыть все окна.

Его комната – четыре квадратных метра личного пространства. Кровать, стол, стул, полка с учебниками. На стене наша фотография с выпускного. Единственное украшение в этой берлоге.

- Ты приехала, – говорит он так, будто не верит.

– С днём рождения, придурок.

Пьём виски из кружек, едим торт ложками, потому что вилок нет. Он рассказывает про трупы в морге, про первую операцию, которую наблюдал, про то, как половина группы упала в обморок на вскрытии. Я рассказываю про невесту, которая сбежала со свадьбы прямо в платье, про жениха, который напился и признался, что любит другую.

К полуночи виски заканчивается, истории тоже. Сидим на его узкой кровати, и расстояние между нами сокращается миллиметр за миллиметром. Он пахнет больницей, усталостью и чем-то родным, домашним. Кладу голову ему на плечо.

– Устала?

– Угу.

– Ложись, я на полу посплю.

– Дурак. Кровать узкая, но мы поместимся.

– Лид, у меня девушка появилась...

Я сделала вид, что рада за него, но отвернувшись к стенке, слезы было не остановить. Утром просыпаюсь одна. Записка на подушке: «Экзамен в 7 утра. Не хотел будить. Спасибо, что приехала. М.»

Уезжаю обратно в Питер, так и не сказав того, зачем приезжала.

Две тысячи шестнадцатый бьёт по больному до сих пор. Мой первый серьёзный роман заканчивается фейерверком из соплей и разбитой посуды. Славик – фотограф-концептуалист, весь такой творческий и ранимый – уходит к своей музе, восемнадцатилетней модели с ногами от ушей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.